

Секция «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право»

Значение феномена deep fakes для уголовного права

Научный руководитель – Филатова Мария Алексеевна

Алексеева Татьяна Сергеевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного права и криминологии, Москва, Россия

E-mail: alexeyevatatiana@mail.ru

Deep fakes - относительно новое явление в интернет-пространстве, которое характеризуется совмещением разных изображений или видео с использованием технологии, основанной на слабом искусственном интеллекте. Конечный продукт работы алгоритма обычно представляет собой видео, измененное таким образом, чтобы вместо лица одного человека появилось лицо другого. Цели создания такого видео варьируются от юмористических до политических, а сама технология стала сейчас общедоступной (во многом благодаря приложению FakeApp).

Термин «deep fakes» в ряде случаев не переводится на русский язык и пишется латиницей или кириллицей («дипфейки») [1]. Другими авторами переводится частично («глубокие фейки») [3] или описательно («программное обеспечение «подмены лиц») [2].

С позиции уголовного права deep fakes можно разделить на общественно опасные и те, которые общественной опасности не представляют. Некоторые авторы обращают внимание в первую очередь на порнографические и политические deep fakes, как те виды, защита от которых может быть уголовно-правовой [5, с. 26]. Российские исследователи иногда связывают основную угрозу со стороны deep fakes с национальной безопасностью [3].

Deep fakes могут попасть в сферу действия уголовного закона, **во-первых**, когда исходное видео *само по себе* нарушает уголовный закон. Например, в исходном видео лицом была записана заведомо ложная информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. В последующем было использовано лицо другого человека. В этой части действия могут быть квалифицированы по ст. 207.1 Уголовного кодекса РФ.

Во-вторых, нарушением закона может являться именно *конечный продукт*, непосредственно deep fake. В описанном выше случае, помимо вменения ст. 207.1 Уголовного кодекса РФ, важно то, что созданное видео создает впечатление, будто изображённый на видео человек сообщает общественно опасную, заведомо ложную информацию, то есть совершает преступление. Создание впечатления, что лицо совершило преступление - обстоятельство, которое порочит его честь и достоинство, в связи с чем речь может идти о вменении клеветы. В литературе приводится пример с «черным пиаром»: видео, в котором директор конкурирующей компании якобы делает клеветнические заявления [2, с. 381-382].

Для вменения состава клеветы в таком случае достаточно отталкиваться от широкого понимания распространения сведений, не сводя их к вербальному способу сообщения информации. Несмотря на то, что трудности на практике могут возникать и по этой причине, еще сложнее решается вопрос с deep fakes, которые создают впечатление не о совершении преступления, а о каком-то другом факте. В данную категорию попадают порнографические фейки.

Создание такого deep fake подразумевает использование порнографического видео и лица человека, которое в записи исходного видео не участвовало. Возможный вариант

уголовно-правовой квалификации по действующему российскому уголовному законодательству также связан с клеветой. В таком случае можно было бы рассматривать в качестве порочащих утверждений создание впечатления, что лицо принимало участие в съемке порнографического видео, но у такого подхода есть два серьезных возражения: без правовой защиты остается лицо, тело которого оказывается «приписанным» другому человеку, то есть участник исходного порнографического видео, а объект такого деяния связан скорее с частной жизнью, отношениями в области распространения интимных фотографий и видео, а не только с защитой чести и достоинства.

Статья российского уголовного закона о защите неприкосновенности частной жизни - ст. 137 Уголовного кодекса РФ - не может быть применима к описанным отношениям, поскольку нет никакого незаконного собирания или распространения сведений, такие сведения именно *создаются* автором фейка. Без акта сочетания двух разных видео при условии законного их получения не было бы и нарушения прав какого-либо лица.

Описанная ситуация - вызов не только для российского законодательства. В доктрине обращается внимание на то, что действующие в штатах США нормы о преследовании, домогательстве, угрозах не позволяют защитить потерпевшего во всех ситуациях, так как требуют доказывать причиненный вред, а в некоторых случаях систематичность или неоднократность (в частности, для преследования) [1, сс. 125-127]. Сам по себе факт создания deep fake, пусть и порнографического, без возможности доказать причиненный вред, не наказуем.

Аналогичным образом можно рассматривать и влияние на избирательный процесс (то, что в англоязычной литературе именуется манипулированием выборами - manipulation of elections [4, с. 1778]). Распространение определенной информации о политических кандидатах может быть уголовно наказуемым в рамках ответственности за клевету, однако, во-первых, может не отвечать признакам клеветы (например, не быть порочащим, пусть при этом и влияющим на электорат), а во-вторых, объектом посягательства в таком случае выступает в первую очередь функционирование избирательной системы.

Феномен deep fakes, таким образом, показывает пробельность уголовного законодательства в части защиты разных объектов, построенной на традиционном понимании посягательств на общественные отношения.

Источники и литература

- 1) Делфино Р.А. Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «порно из мести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне. Переводная статья // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 105-141.
- 2) Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник РУДН. 2020. Том 7. Сс. 379-386.
- 3) Смирнов А.А. «Глубокие фейки». Сущность и оценка потенциального влияния на национальную безопасность // Свободная мысль. 2019. № 5 (1677). Сс. 63-84.
- 4) Chesney, Robert and Citron, Danielle Keats, Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security (July 14, 2018). 107 California Law Review 1753 (2019), U of Texas Law, Public Law Research Paper No. 692, U of Maryland Legal Studies Research Paper No. 2018-21. Pp. 1753-1820.
- 5) Edvinas Meskys, Aidas Liaudanskas, Julija Kalpokiene and Paulius Jurcys. Regulating deep fakes: legal and ethical considerations. Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 24-31.